

Империя Тяньлун, уезд Сиян!

Мягкий свет только-только пробился сквозь облака и упал на землю. Уникальное спокойствие, в которое всё еще погружался окутанный легкой дымкой город Цзиньян, было безжалостно растоптано и превращено в пыль роскошной четырехконной упряжкой, вылетевшей из Резиденции Жун-вана.

— Ваше Высочество!

— Князь Жун!

— Потихе, Ваше тело драгоценно, не дай бог упадете, мы же слуги за это головой ответим!

Семь-восемь крепких мужчин в черных одеждах бросились в погоню за повозкой, крича на бегу. По правде говоря, шаги у них были довольно быстрыми, но, увы, они всего лишь обычные слуги — как им поспеть за той стремительной роскошной колесницей, что умчалась прочь, оставляя позади лишь клубы пыли? Вскоре несчастным слугам оставалось лишь слушать глухой грохот, быстро затихавший впереди среди тумана.

— Но, но, быстрее, еще быстрее!

Лю Сяожун сидел на месте кучера, раз за разом взмахивая длинным хлыстом. От боли кони зафыркали, из ноздрей у них вырвались белые облачка яростного пара, а шестнадцать сильных, мощных копыт с такой силой ударили по мостовой из синеватого камня, что повозка неслась всё быстрее и быстрее.

Если посмотреть издалека, она казалась золотой лентой, летящей сквозь туман.

К счастью, рассвело совсем недавно, и у жителей города Цзиньян, чья ночная жизнь отличалась исключительным разнообразием, почти не было дурной привычки вставать спозаренку. На широких, прямых улицах, помимо парочки нализавшихся до беспамятства прошлой ночью и уснувших прямо на мостовой книжников и поэтов, бормотавших сквозь сон рифмованные строки вроде Сяохун, Сяоцуй, не было видно практически никаких других извивающихся человекоподобных существ.

Столь благоприятные условия для езды позволили хозяину повозки потерять всякий стыд: подняв вихрь золотистой пыли, колесница со свистом пронеслась сквозь только что приоткрытую щель городской заставы, а поднятый ею чудовищный завихряющийся ветер чуть не сбил с ног толпу зевающих старых вояк и калек!

— Это кто еще такой, с ума сошел, на тот свет торопится ни свет ни заря?

— Повозка о четырех конях, сам подумай, кто еще это может быть?

— Мать твою, иметь папашу-императора — это всё же великое дело!

— Чертов папаша-император, чертов Князь Жун!

Старые солдаты тихо ругались и в то же время всюду плевали вслед быстро ударявшейся повозке.

Лю Сяожун этого, конечно, не видел, да даже если бы и увидел — ему было бы всё равно. Ибо по сравнению с тем, зачем он сейчас направлялся в путь, всё остальное казалось слишком незначительным.

Вообще-то молодой и талантливый Князь Жун всегда придерживался прекрасной привычки спать до самого заката, славя образцом из образцов в глазах жителей города Цзиньян.

А сегодня он смог стать первым чудовищем во всем городе Цзиньян, выбравшимся из теплой постели, по той причине, что вчера вечером из уст какой-то девицы из увеселительного заведения он услышал потрясающую новость:

Легендарная имперская красавица-воительница сегодня в час чань будет проезжать мимо здешних мест за стенами города Цзиньян!

Какая-то девица, промышляющая ремеслом в борделе, вдруг знает точное передвижение имперской воительницы?!

Конечно, никто бы не поверил в подобные фальшивые слухи, но Князь Жун поверил.

Поэтому, вернувшись в резиденцию, твердый духом Князь Жун почти не сомкнул глаз, лишь полусонно провалявшись в постели половину ночи. И как только забрезжил рассвет, он тут же сам запряг повозку и в одиночку, словно буря, помчался за городские ворота.

За стенами туман стал еще гуще, а далекие холмы и рощицы, окутанные им, казались затаившимися спящими чудищами. От этого зрелища Князь Жун невольно передернулся от нескольких ознобов, и в сердце его поднялось не самое слабое чувство робости.

— Я ведь тоже человек, который однажды уже умирал, чего мне бояться!

Всплывший в воображении образ невероятной красоты мгновенно вернул Князю Жуну толику столь необходимой мужества. Чтобы подбодрить свою до смешного крошечную храбрость, он принялся яростно щелкать хлыстом, продолжая свой путь по туманному тракту.

Князь Жун не ошибался: он действительно был человеком, который уже однажды умер, хотя, если говорить точно, речь шла о переселении души. Полгода назад из-за нелепой случайности

его душа попала сюда и вселилась в изнуренного до последней степени тогдашнего Князя Жуна, сделав его нынешним Князем Жун.

Поначалу Лю Сяожун думал, что просто попал обратно в знакомую древность, но очень скоро понял, что всё обстоит совсем не так, как он себе воображал.

Он действительно переместился, но нынешнее место не имело ничего общего с привычной ему древностью. Ни история империи, ни очертания континента не совпадали с тем миром, что остался в его памяти.

Из-за этого Лю Сяожун едва не впал в отчаяние и не покончил с собой — особенно когда узнал, что прежний Князь Жун расстался с жизнью лишь потому, что любил тайком по ночам читать книги по истории развития империи.

Но вернуться — об этом не могло быть и речи.

После дюжины неудачных попыток уйти из этого мира неегитивным путем Лю Сяожун наконец оставил эту непрактичную затею и начал кое-как жить жизнью, подобающей Князю Жун.

Лю Сяожун был не только не глуп, но и обладал весьма сообразительной головой. Заставив себя успокоиться перед лицом неизбежной реальности, он быстро догадался, почему прежний он был тайком убран амбициозными людьми.

Подумайте сами: этот погруженный в пьянство и разврат город Цзиньян и его собственная Резиденция Жун-вана — откуда у Князя Жуна, мечтающего о великих свершениях среди ночи, мог взяться шанс на выживание?

По правде говоря, участь Князя Жуна не была такой уж редкой вещью в Империи Тяньлун, ведь все знали, что удача старого императора была недостаточно велика: хотя он и правил самым мощным государством на Диких Землях — Империей Тяньлун, по роковому предначертанию судьбы у него почти не было потомства.

Из более чем сотни сыновей, которых он помнил, до сих пор в живых оставались лишь трое. И до недавнего времени Князь Жун был одним из них.

Именно потому, что в империи нередко случалось так, что принцы умирали, не успев даже достичь совершеннолетия, имперские министры церемоний давным-давно разработали комплекс, как утверждалось, крайне эффективных ритуалов специально для организации похорон преждевременно усопших августейших особ.

Лю Сяожун даже разузнал, что в тот момент, когда Князю Жун оставалось испустить лишь последнее полвздоха, министр церемоний, отвечающий за это дело, находился менее чем в

десяти ли от города Цзиньян.

Стоило только войти в город для выражения соболезнований, как Князь Жун неожиданно ожил. Не имея выбора, те недовольные тем, что поручение сорвалось, молодчики могли лишь с кислыми минными возвратиться в имперскую столицу.

И тогда восставший из мертвых Князь Жун, отчетливо осознав всю опасность своего окружения, решил веселиться вместе с народом и плыть по течению вместе с жителями города Цзиньян: возвращаться пьяным под утро, пропадать в веселых домах и разбрасывать золото словно прах!

Спустя несколько месяцев он не только успешно сохранил себе жизнь, но и заслужил в цзянху славное прозвище Один цветок груши давит восемь кустов бегонии.

Разве можно кружить среди цветов и не испачкаться?

Однако никто не знал, что в глубине души этого казавшегося легкомысленным и распутным Князя Жуна давно таилось искреннее чувство.

Что самое забавное, это чувство зародилось благодаря тайнику несуществующего больше прежнего Князя Жуна, где тот прятал портрет — портрет имперской красавицы-воительницы.

До того как увидеть этот портрет, Лю Сяожун был готов поклясться небом, землей и своим еще не рожденным сыном: он никогда в жизни не встречал столь прекрасной и трогательной женщины.

И дело было даже не в ее потрясающей, ослепительной красоте. Самое главное заключалось в том, что от этой женщины исходило нечто уникальное: благородство, в котором не было холода, но которое способно оттолкнуть любого на тысячу ли; величие, в котором не было жесткости, но перед которым все подчинялись без всяких условий — именно это обладало величайшей притягательной силой!

Этот малый взглянул на портрет всего один раз и был напрочь очарован женщиной, потеряв способность сопротивляться!

Сколько раз он мысленно внушал себе: быть может, он явился в этот мир именно ради нее — главнокомандующего Южной армией Империи Тяньлун, известной как имперская красавица-воительница, Юэ Фэнъю!

— Фух, шанс только один, нельзя упустить!

В пяти ли от города покинувшая тракт повозка поднялась на небольшой холм. Растущая перед ним рощица низкорослых деревьев служила Лю Сяожуну укрытием, ничуть не загромождая

при этом обзор. Он был чрезвычайно доволен выбранным превосходным местом, но в то же время его сердце заколотилось птицей в груди.

Эмоции накалились до предельного напряжения!

Но на самом деле его вылазка была абсолютно безопасной — ведь он хотел лишь издавна, издалека полюбоваться истинным обликом легендарной имперской красавицы-воительницы.

Только и всего!

Время текло медленно. Быть может, то обстоятельство, что Лю Сяожун поднялся спозаренку, тронуло небеса, и небеса никогда не оставляли без вознаграждения старательных; а быть может, ему просто улыбнулась дурацкая удача.

Короче говоря, как только ему показалось, что он упустил свой шанс, в поле его зрения запоздало появился отряд численностью около ста всадников.

В особенности изящный силуэт, шедший в самом авангарде отряда: даже с расстояния в несколько ли Лю Сяожун отчетливо видел ее развевающиеся на ветру черные как смоль волосы и, казалось, даже улавливал слабый шлейф особенного женского аромата.

— Я наконец увидел тебя, и даже учуял твой запах!

Он широко разинул рот и глуповато усмехнулся. И понятия не имел, что в тот самый момент, когда его похотливый взгляд упал на женщину, его позиция уже была раскрыта — просто Юэ Фэнъю сочла ниже своего достоинства обращать на него внимание.

— Главнокомандующий Юэ, тот человек... кажется, Князь Жун?! — Заместитель Юнь Цин тоже заметил два взгляда издалека, наивно полагавших, что они отлично замаскировались, вот только сомневался насчет личности соглядатая.

— Не обращай внимания. Всего лишь гражданский паразит, что точит империю изнутри, который должен был исчезнуть еще несколько месяцев назад, — бесстрастно произнесла Юэ Фэнъю, сидя в седле.

Эти слова Лю Сяожун, разумеется, не услышал. Лишь когда бесконечно прекрасный силуэт окончательно скрылся за горизонтом, он спустя долгое время пришел в себя.

Затем он издал зычный крик, воодушевленно взмахнул кнутом и, погоняя коней, взметнул по знакомому тракту тучу серой пыли, словно обезумевший дракон, помчавшись обратно в город Цзиньян.

<http://bllate.org/book/21193/2145605>